

(Окончание. Начало на 8—9-й стр.)

засученным на левой руке рукавом, сидит на стуле у стола, который вдвинут в глубину гостиной. Опускает рукав халата, медленно переходит в свое кресло и полулежит в нем неподвижно с закрытыми глазами.

БОРИС (подходит к столу, собирает комочки ваты и разбитые ампулы на тарелочку). Знают мой голос и адрес вызубрили. (Уносит тарелочку и возвращается).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (не открывая глаз). Это так страшно, когда в затылке бьет молотом. А умирать не хочется. Уж извини. Ты добрый. Конечно, жалко, понедельника, репетиции жалко. Успокоюсь, продолжим.

БОРИС. Какое там.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Когда Володя увидит твою подготовленность, включится сразу.

БОРИС. Если бы «Ричард» был в репертуаре.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. А вдруг включат, увидев твою работу? Счастливый случай, — говорит Станиславский, — приходит к тому, кто к нему готов.

БОРИС. Может быть, вы и правы. (Играют часы).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (шумно выдохнув, открыл глаза). Как снова родился. (Прошелся по комнате медленно, затем быстрее).

БОРИС. Володя опаздывает.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Подойдет. (Подставляя стул к столу). Итак, сцена с лордом Бекингемом. Седьмая — третьего акта. Но для разминки — из Бартошевича. (Читает). «Дневник Энтони Шера содержит множество случайных деталей, попутно сделанных наблюдений. Все идет в дело, все работает на Ричарда Глостера». (Прислушиваясь к шагам на площадке).

БОРИС. Соседка.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (продолжая чтение). «Шер задает себе два главных вопроса. «Что же его нет?». Два главных вопроса. «Что значит быть убийцей» и «что значит быть уродом». В поисках ответа на первый вопрос актер обращается к характеру Гитлера».

БОРИС. Почему не Сталина? Коряв лицом, сухорук, рост — сто шестьдесят два.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Туда, Боренька, туда. Но для англичан Гитлер личностен. Он бомбил древний Лондон! (Читает). «Несравненно больше актера занимают современные убийцы». Володе не мешало бы тоже это послушать.

БОРИС. Он дважды прочел статью. (Берет журнал и читает дальше). «Тут есть замороженность внечеловеческим и в то же время холодный взгляд художника, который, бесстрастно пренебрегая всеми нравственными запретами, вглядывается в тайные загадки человеческой природы». Шер — редчайший профессионал.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Высокий профессионализм и есть интеллигентность. Позвонить Володе?

БОРИС. Не надо.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Перечитываем сцену. Чем тут озабочен Глостер?

Импровизационная репетиция. Евгений Николаевич подает реплики за лорда. Борис делает прикидки к Ричарду. Ничего не завязывается.

БОРИС. С вами репетировать как со стулом.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (помолчав). Я все-таки заслуженный. И для кого-то авторитет. Вчера в Доме актера меня умоляли прочесть главы из мемуаров. (Уходит и возвращается). И ты забыл, что я после укола. И не во мне одно дело. Ты обязан вырваться из гипноза своей ущербности! Сходи в церковь, Боренька. Подумай о вечном, не только о сущем! Постой-ка. (Уходит и появляется с маленькой затрепанной записной книжкой). «Сила чувства вечности и есть поэтическая сила таланта». А ты талантлив, Боря! (Садятся в кресла, долго молчат). Мы только страдаем и ничего не делаем.

БОРИС. Мы просто настолько привыкли друг к другу, что не можем воспринимать другого свежо.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. А кто может помочь тебе в леди Анне?

БОРИС. С Люсей поговорю. Главный на нее глаз положил, а она его отшила.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Женщина!

БОРИС. Я бездарен.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. А раньше был одарен?

БОРИС. Просто везло. Природа истощилась на вас с матерью.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (взял его руки в свои). Тяжело тебе? Но чтобы удержаться на плаву жизни, нужно иметь свой плотик, свой, только тобой сколоченный. Может быть, окровавленными руками!

(Звонок телефона).

БОРИС (хватает трубку. Отцу). Вас. Дама.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Пожилая?

БОРИС. Незнакомый голос.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Странно. (Бе-

рет трубку.) Слушаю. Из Иркутска? Да, помню, помню. (Прикрыв рукой трубку). Поклонница моего Вершинина. (В трубку). Надолго? Виктория Юрьевна, этого не стоит делать. Вы разочаруетесь. У меня вставные зубы. (Борис падает в кресло). Если вы приглашаете. Но как-то неудобно. Это делают мужчины, они и расплачиваются. (Хихикает). Простите мою откровенность. (Борис беззвучно хохочет). А вы подождете моего ответа? Запомнил. Позвоню через четверть часа. (Положил трубку). Проездом в Москву иркутянка Виктория Юрьевна. Фамилию забыл. После наших гастролей там писала мне долго, долго. Лизанька подтрунивала надо мной из-за нее. Молит о встрече. Принимать предложение?

БОРИС. Это может быть последнее предложение в жизни, а он раздумывает!

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (чуть-чуть наигрывая). А вдруг дойдет до дела?

БОРИС. Опустите занавес на застолье.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ветки багульника привезла. Пахло прошлым. Ехать?

БОРИС. Это как выиграть в рулетку. Одеваться!

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (исчезает в своей комнате и пробегает в трусах в переднюю). Извините, я без бабочки.

БОРИС (вносит на плечих белоснежную рубашку). Рубашка хрустит. Примите, милорд. (Уносит рубашку в переднюю. Проходит в комнату отца и вносит на резинках целую дюжину старомодных и новых бабочек). Бабочку какую наденете?

БРОНЗОВЫЕ ЧАСЫ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (появляясь из передней в рубашке, но в трусах). Бордовую с белым горошком. (Убегает в свою комнату и возвращается одетый. Причесывается). Лысину чем прикрыть?

БОРИС. Три волоска. Один — налево, два — направо. (Расчесывает голову отцу). Духи! (Приносит духи). За ушами и на платок. Экий сокол! Звоните ей.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (подумав). Упад как снег на голову. Всегда впечатляло. (Смутился).

БОРИС (подает три рубля). Трешка на такси. Если пропнете.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. При даме. Никогда. (Ушел и вернулся. Серьезно). Я еще кому-то нужен.

Уходит. Борис закрывает за отцом дверь и возвращается.

БОРИС. В подъезде пахнет тушеной капустой. (Ждет у окна появления отца. Махает ему рукой, показывает большой палец. Поставил стол на место и увидел лицо матери. Смутился). Зато я часы тебе починил. (Снова подходит к окну. Стоит долго. Шум улицы). Город одиночества.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

И был счастливый день. Под портретом Елизаветы Константиновны в вазе расцвели розово-фиолетовыми каплями ветки багульника. Цветення их ждали долго, и, не дождавшись, махнули на них рукой. Стол отодвинут в глубь гостиной: идет репетиция сцены Ричарда Глостера и леди Анны.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (суетлив и радостен). С Володей было четыре репетиции. Вырисовывается. Люся на верном пути.

Борис «горбатый», в коротком плаще, сотворенном из какой-то юбки, с корявым костылем в руках, бормоча роль, расхаживает по гостиной.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Программа твоих занятий. Встреча с психиатром-криминологом. Доктор наук, твой поклонник. Доцент-литературовед в университете. Для ума. И вот Англия времен Ричарда. (Подводит сына к столу, на котором пухлая папка, достает из нее кипу фотографий и машинописные пожелтевшие листы). Социально-бытовой комментарий.

БОРИС (ходит). Что-то завязывается, помоему, а?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Завязывается? Ты уже как рыба в воде! Присядь в кресло и соберись. (Борис сел в кресло. Евгений Николаевич расхаживает вокруг него). Еще раз послушай. (Читает). «Энтони Шер был уверен: личность Ричарда находится под глубоким воздействием его уродства. Помимо всех философских и психологических результатов».

БОРИС. Колени у него вывернуты.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. «Его история кроме всего прочего — история болезни. К ней все не сводится» Слушай внимательно. «К ней все не сводится, но на ее почве многое вырастает. Шер отправляется в больницы и специальные медицинские центры». Что делаешь и ты. Начнем?

Борис встает с кресла преображенный. Ведет сцену с леди Анной, реплики которой подает ему Евгений Николаевич.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (прерывая сцену). Слушай, а пусть где-то звучит орган? Из моей комнаты, как бы в отдалении?

БОРИС (в образе). Тут рядом — епископ. Епископ служит мессе по убитому Глостером мужу Анны, а Глостер блудит.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Он слышит музыку и это возбуждает его. (Убегает в свою комнату, кричит оттуда). Это еще одно препятствие! Глумление над леди Анной будет еще сладостнее от того, что это и глумление над божественным органом! (Выходит из комнаты. Оттуда доносится музыка органа).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Анна нужна ему! Просто необходима. Для реабилитации себя в глазах Англии. И он снова пре-сту-па-ет. Одолевает невозможное — оскорбленную честь одной из первых дам королевства! Бешено защищающуюся!

БОРИС (глядя в роль, что-то в ней записывая). Кстати, как закончилось ваше randevu?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Тайна! (Не глядя на портрет, указывая на него). Перед ней стыдно. А Ричарду ни перед кем, никогда и ничего не стыдно! Он наслаждается своим искусством сокрушать все и вся!

Пронгравая кусок сцены. Евгений Николаевич незаметно скрывается в своей комнате, чтобы увеличить звук. Музыка помогает Борису донести кусок. Евгений Николаевич убирает музыку.

БОРИС (дождавшись его возвращения из комнаты). А ты кое-что знаешь, отец. Быть бы молодым?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. У меня нет комплекса Фауста. Опыт своей жизни человек не отдаст никому. Даже постыдный опыт. (Сидят, отдыхают). Не бойся того, что считается истерикой. Обнажайся в пределах своей органики. Лишнее уберем. (Осторожно). В конце сцены ты должен наградить Анну забытым ею счастьем. Властвовать над ее телом.

БОРИС (взвился). На потребу публики? Гадливо!

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Если ЭТО не стало образом.

БОРИС. Дерьмо на сцене — это уже не театр, а тень театра!

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Мы сделаем ЭТО пластически — красиво.

БОРИС. Балет введем?

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не хаи. Русский театр одолевает телесная безобразность, переходящая в безобразность. Таиров забыт. А вспомни эпоху Возрождения. Тысячи обнаженных натур на картинах вызывают радость. И желание любить! Ты понимаешь, Глостер в ЭТО мгновение должен стать совершенным. Преобразиться из Горбуна в Аполлона! Тогда ЭТО будет позволительно. Попробуем, а? Моя маленькая догадка. (Борис молчит). Это еще и паденье человечества через Анну. (Тихо). Иди от себя. Тебя любили женщины и любят.

БОРИС. Попробуем.

Евгений Николаевич убегает в комнату и включает органную музыку. Появляется, бросает навзгуст реплики леди Анны. **ИМПРОВИЗАЦИОННЫЙ ФИНАЛ СЦЕНЫ**.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Бросай костью. Выпрямись.

БОРИС (в образе). Горб мешает.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. К черту горб! Выпрямись над нею! Чтоб убедить ее в любви, он должен любить и любить! Это триумф не монстра, а человека. Высшее проявление радости Природы!

Борис стоит высокий, распрямившийся и светлый.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Bravo! Bravo, Боря! И тут же стыд своей чистоты: стыд себя! Он снова циник! Двойной теперь циник! Ибо такого одоления врага он еще не переживал! Он грубо прощается с мгновением своей истинной любви! Ибо эта любовь — убедила его в правоте смертельной ненависти к человечеству, легко пожирающему свою чистоту! И последний монолог. (Дает сыну короткую передышку). Леди Анна, шатайся, ушла! Она пала в его глазах как никто! Две разные сцены в одной. Два человека! Наглый и надеющийся на сопротивление Анны, Ричард! И потому глумящийся над нею и собой! Твой Глостер многолик! Театр — чудо, к которому нельзя привыкнуть. (Ходят оба в возбуждении).

БОРИС. А правильно ли, что мы идем за Энтони Шером? У гения не может быть двойника.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Но гений помогает нам мыслить! (Без перехода). Хочу в Англию! Хочу в добрую, старую Англию!

Долго сидят, переводя дух. За стеною еле слышимая музыка.

БОРИС (снимает «плащ»). Ставим стол на место. (Ставят стол на прежнее место).

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (замер). Боря. Багульник расцвел.

Садятся в кресла и лобуются цветами багульника. Евгений Николаевич перекрестился. Музыка за стеной чуть слышней.